

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 10 (48)/2011
ОКТЯБРЬ

Вита ШАФРОНСКАЯ
с. 10

Байкал. Фото неизвестного автора

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.
Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.
Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.
Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.
Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Руслана ЛЯШЕВА,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 6 печатных листов.
Тираж 600 экз.
Номер подписан в печать по графику
и фактически 17 сентября в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Октябрь 2011 года
№ 10 (48)

- с. 2. Юбилей художника. Василий САМОТОХИН
- с. 4. Неопалимая купина.
- с. 6. Проза. Витольд ЯДРЫШНИКОВ
- с. 9. Проза. Даниил АЛЕКСЕЕВ
- с. 10. Поэзия. Вита ШАФРОНСКАЯ
- с. 11. Поэзия. Александр ЕГОРОВ
- с. 12. Проза. Валентин БЕРСЕНЁВ
- с. 14. Поэзия. Максим ЛАВРЕНТЬЕВ
- с. 14. Поэзия. Иван ТАРАН
- с. 15. Поэзия. Василий ПОНОМАРЕНКО
- с. 16. Проза. Николай БЕРЕЗОВСКИЙ
- с. 19. Истоки. Светлана ШКЛЯЕВА
- с. 20. Проза. Евгений ВАЛЬС
- с. 22. Путевые заметки. Светлана МАЛИКОВА

Писатель Виктор Некрасов:

«БЫТЬ САМИМ СОБОЙ...»

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения знаменитого автора книги «В окопах Сталинграда».

В 1981 году, во время учебы в Львовском высшем военно-политическом училище после одной из лекций по литературоведению профессор Осмоловский предложил мне прочесть книгу Артема Веселого «Россия, кровью умытая» и две книги Виктора Некрасова: «В окопах Сталинграда» и «Кира Георгиевна». Рассказал об авторах и предупредил: «Читайте внимательно, но осторожно. Книги запрещенные...». Я не совсем понимал почему, но интерес от этого еще более усилился. У Артема Веселого – страшная правда о гражданской войне. Рассказы с короткими рублеными фразами. «Кира Георгиевна» – повесть о том, как возвращались люди из советских лагерей. И великая повесть «В окопах Сталинграда», опубликованная в 1946 году и тут же награжденная Сталинской премией. Потом уже, во время службы во Владивостоке, я узнал, что в течение всего двух десятилетий она была переиздана 120 раз на русском и основных мировых языках. Меня поразили все книги, но больше всего – эта повесть. Поразила и испугала. В ней на каждой странице обнаженные человеческие души, вывернутые наизнанку. Я не мог прочитать книгу целиком, это слишком тяжелое чтение. Я читал по главам, переживая за главного героя лейтенанта Юрия Керженцева, его ординарца Валегу, комбата Ширяева, командира роты Фарбера и старшину разведчиков Чумака. «В окопах Сталинграда» – это достоверные человеческие судьбы. Нет, особого героизма у саперов под командованием Керженцева не было. Тут иное – каждый день ожидание смерти. Надежда, граничащая с отчаянием. Три дня батальон ходил в атаки и из 400 человек остается 36. Начальник штаба капитан Абросимов приказывает солдатам идти в лобовую атаку под шквальным огнем противника и погибают почти все. На следующий день состоялся суд над Абросимовым. Майор Бородин говорит на суде, что доверял своему начальнику штаба, но тот не оправдал доверия командира полка, «он превысил власть, а люди погибли». Потом говорят еще несколько человек. Абросимов считает, что был прав – только массивной атакой можно было взять баки. «Комбаты берегут людей, поэтому не любят атак. Баки можно было только атакой взять. И я не виноват, что люди недобросовестно к этому отнеслись, трусили». И тогда поднимается Фарбер. Он не умеет говорить, но он знает, что не трусили те, кто погиб в этой атаке. «Храбрость не в том, чтоб с голой грудью на пулемет идти... Приказ был «не атаковать, а овладеть». Придуман-

ный Ширяевым прием сберег бы людей, а сейчас их нет...» Да, главный принцип военного искусства великих полководцев – вести бой не числом, а умением – в красной армии соблюдался редко. Сколько раз города и поселки брали к очередным праздничным датам. Уже на завершающем этапе Великой Отечественной взятие каждой европейской столицы стоило десятков тысяч жизней советских солдат и офицеров. Лишь в ходе Берлинской наступательной операции, продолжавшейся с 16 апреля по 8 мая, погиб 78291 советский военнослужащий. Так, по официальным данным, с точностью до каждого, а сколько на самом деле, до сих пор неизвестно...

Не случайно, Виктор Платонович не раз говорил, что главный наш памятник в честь Великой Отечественной войны посвящен не солдату – победителю или – освободителю. Нет, памятник – это Могила Неизвестного Солдата.

В промежутках между дежурствами, друг Керженцева Игорь Свицерский ведет споры с Георгием Акимовичем, инженером-электриком ТЭЦ. Георгий Акимович возмущен неумением русских воевать: «Немцы от самого Берлина до Сталинграда на автомашинах доехали, а мы вот в пиджаках и спецовках в окопах лежим с трехлинейкой образца девяносто первого года». Георгий Акимович считает, что спасти русских может только чудо. Керженцев вспоминает недавний разговор солдат о своей земле, «жирной, как масло, о хлебах, с головой закрывающих тебя». Он не знает, как это назвать. Толстой называл это «скрытой теплотой патриотизма». «Возможно, это и есть то чудо, которого так ждет Георгий Акимович, чудо более сильное, чем немецкая организованность и танки с черными крестами».

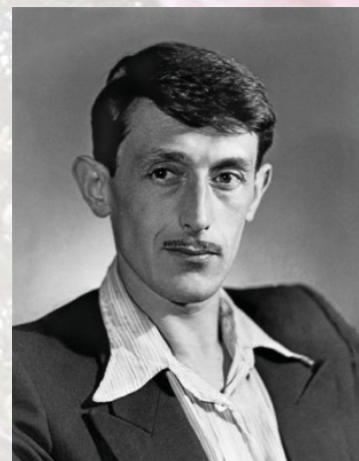
Виктор Некрасов был не из тех людей, кто делили правду на ту, которую надо говорить, и ту, которую говорить не стоит. Сталина он ненавидел, но в том, что сам кричал на войне «За Сталина» – он признавался. Нам говорят, что такого не было, что это придумали политруки. А Некрасов говорит – кричали, еще как кричали.

Он боготворил Красную армию, офицеров, солдат и считал ее освободительницей Европы.

«Быть самим собой, не врать, не притворяться, не лстить» – простые истины, которым научила его мама, он остался верен им на всю жизнь. В 1971 году рассыпали его двухтомник – и с тех пор Некрасова не печатали в России до самого начала перестройки. Формулировки были однообразны: «За то, что позволял себе иметь собственное мнение, не совпадающее с линией партии».

Некрасов эмигрировал, а вот как дальше сложилась его жизнь, мало кто знает. В Париже он был все тем же Некрасовым – веселым и не умеющим притворяться. Сказал честно, что ему не нравится во Франции и там его тоже перестали печатать.

«Вот тебе и рай земной!» – признался в одном интервью Некрасов. Друг Некрасова Виктор Кондарев в книге «Все на свете, кроме шила и гвоздя» пишет: «Пресса во Франции как никогда свободна, притом, однако, условия, что все журналисты должны мыслить примерно одинаково, то есть как надо».

Виктор НЕКРАСОВ

В самом хорошем смысле слова простой и честный, человек он оказался не ко двору всюду и везде. А когда он выступил по радио «Свобода» с критикой «Малой земли» Брежнева, его лишили советского гражданства.

Он умер 3 сентября 1987 года и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Статью, посвященную его памяти, написал Василий Быков, она была сверстана в «Литературной газете» и ...снята по звонку сверху.

В память многих читателей он останется настоящим русским писателем, который написал великую повесть «В окопах Сталинграда» – одну из самых правдивых книг о Великой Отечественной войне.

ВНИМАНИЕ!

Продолжается подписка на наши издания.

	полгода	год
«Литературный меридиан»	300 руб.	500 руб.
«Литературный меридиан» + газета «Былина»	320 руб.	520 руб.
газета «Былина»	150 руб.	300 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Костылева Владимира Александровича** по адресу издания:

**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Приглашаем к сотрудничеству региональных представителей.

Редколлегия

ИЕРОМОНАХ ВЛАДИМИР ШИКИН: «ВСЕ ДОЛЖНЫ ЭТО ЗНАТЬ...»

По материалам книги «Пасхальная память. Воспоминания об иеромонахе Владимире (Шикине)»

Иерей Владимир Шикин (1947–2000), принявший монашеский постриг незадолго до своей кончины, служил в Серафимо-Дивеевском монастыре всего 6 лет, но сделал за это время столько, сколько иные не успеют и за 60. Тысячи душ согрел он любовью Христовой, привёл к Церкви, обратил к покаянию. Он стал поистине духовным отцом для многих паломников, приезжавших в Дивеево.

Отец Владимир считал, что человечество, и прежде всего Россия, будет иметь тяжкое попущение Божие – грядущие беды прежде всего за свою нераскаянность. На исповедях он повторял о необходимости нашего собственного – конкретного покаяния перед убиенным Государем Николаем II и его семьёй. Раскрывал людям глаза на глубину личной вины каждого: «Мы – я и ты – предали царя и вместе с ним – Бога». Предали буквально или втихомолку – в сердце, в мыслях, во всём последующем служении богоборческим идеалам марксистско-ленинской идеологии, которая пронизывала всю нашу жизнь от младенчества до смерти.

Совершая поклонение Кресту на Крестопоклонной неделе Великого поста, отец Владимир проводил аналогию между распятием Бога и принесением себя в Жертву Искупления за грехи русского народа Государя Николая II. Несмотря на всем известные трудности подобных проповедей в Дивеево, батюшка во все царские дни призывал к сугубому покаянию перед Государем. Плакал сам, вслед за ним начинали плакать молящиеся в храме. Исповедуя людей, батюшка широко распространял между приезжавшими в Четвёртый удел Божией Матери обширный текст покаянной молитвы с перечислением грехов перед Богом, Царём и Отечеством, в которых покаяться, увы, далеко не все мы.

Одной из запоминающихся его проповедей, посвящённых Государю Николаю II, была, по воспоминаниям рабы Божией Нины, проповедь «Все должны это знать...».

Воспоминания рабы Божией Нины

«В детстве я часто болела, и один раз была даже на грани смерти. Это было в 1963 году. Мне – шесть лет. Родители плакали и молились Богу. Я спустилась на пол и почувствовала сильное головокружение от слабости. В это время к нам пришёл незнакомый мне человек и стал говорить родителям, чтобы они молились убиенной Царской Семье о моём выздоровлении. Он сказал: «Вашей отроковице помогут только Царственные Мученики!» Понимала, что речь идёт обо мне. Он ещё настойчивее повторил: «Молитесь, она же умирает!» А я в это время стала терять сознание и начала падать. Он подхватил меня на руки и сказал: «Не умирай!» Затем положил меня на кровать и стал уходить. Мама спросила его, жива ли я. Он ответил: «Молитесь им, Богу всё возможно!» Родители опять заплакали и стали просить его остаться и помолиться вместе. Но он твёрдо сказал: «Не будьте маловерны!» – и ушёл.

Как только мама с отцом обратились с молитвой к Царской Семье, я увидела, что к нам входят какие-то люди. Первым зашёл мужчина, за ним – женщина и мальчик с девушками. Все они были одеты в блистающие белые одежды, на головах золотые царские венцы, камнями украшенные. У мужчины в правой

руке было квадратное полотно. Он положил его мне на лицо и стал молиться Богу. Затем он снял покрывало, взял меня за руку и помог встать с кровати. Я почувствовала себя легко. Мужчина спросил меня: «Ты знаешь, кто я?» Ответила: «Врач...» Он: «Я не земной, а Небесный врач. Бог меня к тебе послал. А так – ты больше не встала бы. Ты не умрёшь, а доживёшь до моего прославления. Я Император Николай, а это моя святая Семья. Она мученическим путём пришла к Богу». И назвал всех по именам. Я подошла к Царевичу Алексию и стала рассматривать его венец. Вдруг моя мама закричала: «Девочка горит!» И родители стали искать воду. Спросила: «Мама, кто горит?» Она кричит: «Отойти от огня, сгоришь!» Сказала им: «Здесь только люди, а огня нет». А папа: «На самом деле, очень большое пламя! Огонь ходит по комнате, но ничего не загорается! Что за чудо?!» – «Не волнуйтесь, это врачи, которые пришли меня вылечить».

А когда они – Царское Семейство – уходили, я спросила у Государя Николая, как это они пришли к Богу мученическим путём? И ещё: «А что, нельзя просто так пойти к Богу?» Царица Александра сказала: «Не надо, не пугай девочку». А Государь грустным голосом произнёс: «Все должны это знать! С нами такое сделали, что ужасно и говорить!.. Они высыпали наш прах в бокалы... и пили с удовольствием и злорадством, что так

нас уничтожили!.. Не хочу тебя пугать, пройдёт время, и всё откроется. Когда вырастешь, то говори людям: пусть наших останков не ищут, их нет!» Я была ещё совсем маленькой, дошкольницей. И сам Государь явился и исцелил меня.

Второй случай явления Царской Семьи был в 1972 году. Я училась в восьмом классе. У нас в Молдавии постоянно появлялись антирелигиозные лекторы, потому что в сёлах почти все были верующие. Приезжая дама, которая пришла к нам в класс, была удивлена, что все девочки в платках. Она нам объяснила, что цари – это наши враги, и не надо бояться, потому что их больше нет! «Царей, – говорила дама, – пора свергать, а исполнять надо заветы Ленина, служить делу марксизма-ленинизма». Наши ребята сказали ей: «Если царей нет, то их не ругать надо, а их надо помнить... За убиенных надо молиться!» И вдруг откуда-то сверху сходит Император Николай со всем своим Семейством и говорит приезжей даме: «Кто здесь царей поносит и хулит?!» Она крикнула: «Горю!» И упала. А Государь Николай взял её за руку: «Встань, не губить пришёл, а спасти». Дама поднялась и с ужасом говорит: «Видела большой пожар, и люди – там!» А Царь сказал: «Это ты не пожар видела, а мучения в аду». Она спросила: «Как в аду? Мы же ад разрушили и песню об этом сочинили!» А он: «Вы не ад разрушили, а дела святые: Царя свергли, храмы порушили, святыни попрали!» Дама спросила: «А ты кто?» Государь Николай ответил: «Я тот, кого ты хулила, чьё имя поносила». Она сказала: «Как это? Ведь вас нет в живых! Вас всех стёрли в порошок!» А Император Николай сказал: «У Бога мы все живы». И добавил: «Вот видишь, меня убили, но я не убиваю... Иди и покайся!» Она прямо вылетела из класса. Государь подошёл к нам и всех благословил. А мне сказал: «А ты доживёшь до моего прославления. Запиши всё виденное».

В следующем явлении Государь просил передать духовенству, чтобы оно не верило властям. Пусть иерархи церковные скажут: мы не станем признавать подложные мощи, оставьте их у себя, а мы оставим святое имя Государя и предсказания о нём святых угодников! «Если эти лжемощи захоронят в моей семейной гробнице, то гнев Божий падёт на это место и город!.. Пусть мощей наших не ищут. Скажи священству, чтобы писали святые наши иконы, и была молитва. Через эти иконы буду вымаливать чудесную помощь. И на иконах пусть нас не разделяют, изображают нас вместе – всю Семью. Имею власть помогать многим... Получу власть помочь всему народу, когда буду прославлен и на земле! И если русский народ принесёт подлинное покаяние, Россия процветёт на малое время...»

В книге всемирно известного учёного Владимира Ивановича Даля «Разыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» (Санкт-Петербург, 1844) читаем об этом следующее: «В 1454 году в Вене казнено несколько евреев за то,

СВЯТЫЕ ЦАРСТВЕННЫЕ
СТРАТОТЕРПЦЫ

что убили ребёнка, вынули его сердце, сожгли в порошок и пили его в вине» (с. 42).

Об этом же пишет и бывший раввин, обратившийся в христианство, монах Неофит в своей работе «О тайне крови у иудеев в связи с учением Каббалы» (Санкт-Петербург, 1914): «Иудеи убивают христиан по трём причинам: во-первых, из адской ненависти ко Христу; во-вторых, для разных магических и каббалистических упражнений, ибо они знают, что диаволу приятна человеческая кровь, а в особенности христианская; в-третьих, из религиозных побуждений (гл. 10). Кровавым порошком или пеплом иудеи пользуются ещё 9 июля (по ст. стилю). В этот день они оплакивают разрушение Иерусалима Титом Веспасианом. По этому случаю натирают кровавым пеплом себе виски (...) В этот день все иудеи обязаны есть крутые яйца, посыпанные этим пеплом. Этот обычай носит у них название «Сцидо амафрекес» (...) На первый взгляд удивительно, что соль заменяется каким-то пеплом или порошком. Но этот пепел заменяет собой не соль, а свежую христианскую кровь» (гл. 7).

Недалеко от места сожжения убиенных ипатьевских узников следователь Н.А. Соколов обнаружил скорлупу от полусотни куриных яиц. Остаётся напомнить, что наш Государь Николай Александрович вместе с Семьёй и приближёнными во исполнение талмудических предписаний был убит 4 июля (по ст. стилю), то есть за несколько дней до обряда «Сцидо амафрекес», а потом был сожжён в прах для окончательного завершения каббалистического ритуала – празднования мести гоям.

РЫБАЛКА С ФЕЙЕРВЕРКОМ И ОТЛИВОМ,

Или чем пишутся инструкции

/Рассказ-быль/

Витольд ЯДРЫШНИКОВ,
г. Владивосток

В 1960 году закончилась работа танкера «Башкир-нефть» по доставке растительного масла из портов КНР во Владивосток. Теперь перед нами – просторы Охотского моря с его ветрами, хмурыми погодами, не оборудованными для стоянки даже небольших судов берегами материка, Курил, западной Камчатки. Наш первый рейс на западное побережье Камчатки был в портпункт Кихчик, а затем в расположенный в самом «медвежьем» углу поселок Каменское. Этот рейс проходил в июле 1960 года, погода стояла вполне благоприятная. Первым пунктом захода нашего судна был рыбокомбинат Кихчик. Только подошли на траверз Кихчика, погода резко ухудшилась. Лежим в дрейфе, подрабатывая машиной так, чтобы не лечь лагом (бортом) к волне.

Проходят сутки, погода не улучшается. Комбинат выходит на связь: есть ли у нас доктор? Получив утвердительный ответ, просит: нужна помощь роженицы, так как их доктор до ухудшения погоды улетел на вертолете к оленеводам к пострадавшему пастуху. Но как доставить нашего доктора на берег? Отвечают, что вышлют катер. Надо сказать, что высадку на катер можно было осуществить (при такой погоде!) только с крыла мостика. Грузовая палуба вся под водой, так как судно в грузу. Волны свободно проходят по палубе, и о выходе на нее не может быть и речи. И еще неважно тот факт, что доктор наш, Гурлев Олег Константинович, только что окончивший третий курс Владивостокского мединститута, в рейс пошел впервые. До этого он окончил медицинское училище и имел стаж работы в должности фельдшера. Поскольку с медработниками в паромстве был дефицит, то доктора с дипломом фельдшера направить на небольшое судно посчитали возможным. До этого мы долгое время ходило в рейсы без доктора.

За время стоянки во Владивостоке направленный к нам доктор обнаружил, что в медкаюте нет почти никаких лекарств. Он их выписал очень много, а также необходимое оборудование. Тогда это было возможно. Но жить в этой каюте, расположенной на самой корме, он не смог, потому что корму подбрасывало при килевой качке так, что не устоять на ногах. Доктор и так был очень худ, а поскольку сильно укачивался, есть ничего не мог, а рвота довела его до того, что он мог уже только лежать. Это вызывало серьезное беспокойство о его здоровье. Гурлева поместили на диван в каюте третьего помощника. И вот когда он услышал, что нужен доктор на берегу, куда делась его слабость. «Поеду! Поеду! Надо помочь ро-

женице!» – твердил он. Капитан, правда, сомневался, но доктор уверил, что роды принимал неоднократно и беспокоиться на этот счет не стоит.

Мы собрали в саквояж те медикаменты, которые доктор назвал, одели его, вывели на левое крыло мостика. Катер уже под бортом. Провалы такие при качке, что вот они, руки катерников, на уровне мостика, а вот – только клотик мачты. Очень опасно! Выжидали момент, когда хоть на несколько секунд руки катерников задержатся на уровне мостика. Такой момент наступил. И хотя капитан запретил «пересадку», но, когда он отвлекся в штурманскую, руки трех крепких матросов перекинули доктора, как чурку, на руки ребят на катере. Всё как договаривались. Руки рыбаков, понятно, такие, что если схватили, то не отпустят. Занесли матросы доктора в рубку, катер провалился между волнами, дал ход и, круто развернувшись, отвалил от борта. Капитан, выйдя на крыло и увидев отвалившийся катер, спросил: «А док где?» «Ушел на катер». «Ну, черт бы вас побрал! Так рисковать!» Но на море без риска не бывает, это он понимал. Саквояж с медикаментами и необходимыми инструментами передали на проводнике-выброске.

Через час Гурлев вышел на связь и бодрым голосом попросил передать с катером еще кое-какие медикаменты. На вопрос капитана «Как обстановка?» ответил: «Не волнуйтесь, все пройдет нормально. Но после рождения ребенка надо будет остаться на берегу еще на какое-то время». Прогноз на несколько дней был плохой, и поэтому доктору разрешили остаться на два – три дня для наблюдения за роженицей, а мы продолжали штормовать на рейде Кихчика. Через трое суток погода не улучшилась, и по прогнозу улучшение не ожидалось. Капитан вызвал на связь рыбокомбинат. Узнав, что дела у роженицы в порядке, приказал доктору вернуться на судно и попросил руководителей комбината привезти его катером. Поскольку время шло, а большую часть груза требовалось доставить в Пенжинскую губу, то груз для комбината Кихчика решили сдать на обратном пути. Как только катер привез доктора к борту, его с великой предосторожностью «перекинули» к нам на крыло мостика, передали его вещи. Капитан сразу вызвал его к себе. Уж очень переживал, как он там в действительности принял роды. «Да все прошло нормально, – доложил доктор. – Вот видите – ведро икры передали, копченую рыбу. И роженица чувствует себя хорошо, и с ребенком все в порядке. С ними местная медсестра. Она получила все инструкции по

уходу, я ей необходимые медикаменты оставил». Решено было каждый день выходить на связь с комбинатом и узнавать, как идут у роженицы дела.

Сразу после этого разговора и снялись в рейс. Через двое суток вошли в Гижигинскую губу. Место узкое, волне разгуляться негде, но погода улучшилась, и мы более-менее спокойно прошли в Пенжинскую губу, прямо к поселку Каменское, и уже через час-другой, в виду берегов с обоих бортов, встали на якорь. Только успели оглядеться, перевести машину в полчасовую готовность, как увидели странную, как нам показалось, картину. На расстоянии кабельтова – двух стали собираться катера, сейнеры. Все начали готовить деревянные брусья, ставили их в воду и подводили под борта. Наши штурманы рассказали нам: ждут начала отлива. Некоторые плоскодонные самоходки прямо с хода выскакивали на берег, благо он был песчаный. Еще засветло многие катера уже держались на подпорках. Экипажи установили уже давно заготовленные деревянные сходни с бортов на оголенное дно бухты и, осмотрев корпуса, винты, рули, кингстоны, отправлялись по домам.

Наше судно осталось в огромном озере. Встали на якорь в глубоком месте, откуда вода уже не уходит. Такой живописной картины нашему экипажу еще никогда не приходилось наблюдать! Стоят катера, сейнеры на подпорках, а плоскодонки и суда покрупнее лежат прямо на отлогом песчаном берегу, а мы – в озере... Прямо скажем, мне лично такого явления при отливе уже никогда наблюдать не довелось. Только на другой день на катерах появился народ: ждали прилива. Накат в прилив также интересно наблюдать. Шум прилива накатывался волнами. Катера всплывали, убирались подпорки, трапы до следующего отлива. Как оказалось, в Пенжинской губе высота отлива достигает двенадцати метров! Второе место в мире! Выгрузку начали по приливу. Под борт катера подводили плашкоут, весь уставленный пустыми бочками. Разливочными пистолетами, по типу теперешних на автозаправках, подьсоединенными к нашему грузовому шлангу, наполнялись бочки, закрывались пробками, и катер тащил плашкоут к потребителям. Затем бочки скатывали по сходням на берег. Морока, что и говорить. Как уж теперь происходит выгрузка – сказать не берусь, но в начале 1960-х было так, как я рассказал.

Стоял июль, время хода на нерест лососёвых. Предприимчивый наш народ уже приобрёл у местных ставную сетку. Ведь левую грузовую магистраль мы держали под растительным маслом, было чем расплатиться. Теперь предстояло попасть на берег и заняться ловом рыбы. Особой работы в машинном отделении не было, тем не менее не всем желающим начальство разрешило поехать на берег. Под руководством третьего штурмана Бормотина Анатолия Павловича нас собралось шесть человек: я (третий механик), токарь Володя Кучугуров, моторист Виталий, двое матросов и доктор. Собрали необходимый харч: хлеб, консервы, картошку, крупу для ухи, соль,

лук. Взяли необходимую посуду. В общем, все что нужно. Доктор прихватил с собой саквояж с медикаментами.

Тут надо рассказать вот о чем. Моторист Виталий Тимофеев, выпускник Владивостокской мореходной школы 1957 года, был известным в городе парусником – яхтенным гонщиком. За время работы на танкере «Башкирнефть» не один раз по приказу «свыше» снимался с судна на различные парусные соревнования. С сохранением рабочего места, естественно. Еще когда мы находились на ремонте во Владивостоке, узнав о парусных делах Виталия, старпом поручил боцману, мотористу и токарю привести в порядок парусное вооружение спасательных шлюпок. Их было две, и обе без двигателей, только с аварийным парусным вооружением. Оно было не подогнано, весла – без вальков и уключин, паруса – без шкотов. Да и степсы мачт невозможно было вставить на место. В общем, предстояло сделать все как следует, так, чтобы можно было в случае необходимости парусное вооружение установить и управлять им. Тимофеев, боцман, токарь Кучугуров, тоже выпускник Владивостокской мореходной школы, взялись за дело. Паруса были расстелены на палубе, обмерены, подогнаны, восстановлены люверсы, шкоты, изготовлены вальки для весел, подогнаны уключины, руль и румпель. Был укомплектован аварийный запас ракет и фальшвейеров. Анкерки заполнили водой, восстановили аварийный запас продуктов. На эти работы потратили три недели. Когда всё закончили в соответствии с требованиями Регистра, шлюпки спустили поочередно на рейде Владивостока у о. Русский, опробовали на ходу под парусами и на веслах. Появившиеся замечания быстро устранили, все уложили по-походному и закрыли шлюпки чехлами. Как это пригодилось нам в трудную минуту, которая, как говорится, была уже рядом! Море не прощает ни малейшего разгильдяйства. Сорокадвухлетняя работа на флоте убеждала меня в этом не один раз. Во всякой профессии требуется профессиональная подготовка, но в морской – это особенно важно: вот оно, море вокруг, и в случае чего – помощи ждать неоткуда. Так что будь готов, моряк, ко всему, и только твой и твоих друзей-товарищей профессионализм тебе помощник.

Итак, шлюпку для рыбалки снарядили, взяли спасательные жилеты. Все оделись потеплее – в свитера, куртки, обули сапоги. Старпом выдал третьему штурману «залежавшиеся» ракеты и фальшвейеры. «Опробуйте на берегу, и в случае чего – три штуки подряд!» Шлюпку спустили, отошли от борта на веслах не менее чем на кабельтов и поставили паруса. Дул ветерок, уже смеркалось. Подобрал шкоты, чуть увалившись под ветер, довольно ходко пошли к берегу. Ориентиром на берегу служил костер местных рыбаков, наш третий штурман туда и правил. Тимофеев находился на фокшкотах, я – с ним рядом, токарь Кучугуров – на кливершкотах, третий штурман – на руле. Все остальные сели на дно, лицом к парусу.

Было довольно холодно, когда отошли с полмили, Кучугуров кричит с бака: «Палыч, давай дадим отходной салют ракетой, из тех, что старпом дал опробовать?» «А пользоваться умеешь?» – спрашивает Палыч. «Конечно!» – отвечает Кучугуров.

Вот оно, начало разгильдяйства: умение пользоваться ракетой нужно было проверить на борту судна, а не на ходу шлюпки. После услышанного «Конечно!» Палыч кричит: «Ну, давай!» Если когда-то кто слышал про огонь из глаз, то это мы все, находившиеся в шлюпке, увидели в трех метрах от себя под истошный крик-визг Кучугурова. Огонь яркий, ослепляющий, мечущийся на баке шлюпки, под истошный крик токаря, ошеломил нас всех. Весь бак в огне. Казалось, что и море горит. И вдруг среди этого ада огненной стрелой вылетает за борт остаток ракеты и зарывается в волнах. Весь нос шлюпки в дыму и огне: горит кливер и дымит (натурально дымит!) наш токарь. Побросав шкоты, кидаемся к нему. Громко стонет. Тлеет на нем телогрейка. Аварийные паруса на шлюпке бордовые, и поэтому при свете ракетного огня становятся прямо зловещего цвета. Несмотря на качку (шлюпка стала неуправляемой), руками заливаем водой прямо из-за борта одежду токаря, спускаем реёк, тушим горящий кливер. Приходим в себя и по команде третьего штурмана ставим уключины по местам (они прикреплены шкертками у своих гнезд, чтоб не потерялись) и на четырех веслах идем к берегу. Шестеро гребцов не набирается. Гребем изо всех сил и с хода вылетаем на береговой песок.

У костра двое чукчей-рыбаков. «Однако большой огонь был!» Делаем пламя костра посильнее, кладем рядом токаря и начинаем снимать с него телогрейку (уже не дымит, только парит), остатки свитера и под ним комбинезон и рубашку. Вся грудь, живот обожжены, руки – от кистей до локтей... Лицо, слава Богу, цело. Парень как чувствовал: столько одежды натянул на себя. Доктор достает свои лекарства, делает ему обезболивающий укол. Аварийные шприцы я увидел впервые: срывается верхняя часть прозрачного колпачка, оголяется игла, вонзается в тело, и ампула в оставшейся части колпачка ломается. Под давлением содержимое уходит в больного. Удобно и быстро! Видимо, морфий, так как наш токарь вдруг становится веселым. Ну, прямо пьяным! Ну а пьяному, как говорится, и море по колено.

Нам всем остальным не до того. Что делать? Скоро станет темнеть, начнется отлив, и успеем ли мы на судно? Сядем где-то посреди бухты в донной грязи... и что? Спрашиваем доктора: «Все у тебя есть, чтобы облегчить состояние Кучугурова, или, может, лучше попытаться добраться до судна?» Он говорит: «В аптечке и в саквояже – все то, что и на судне. Так что лучше остаться до утра здесь. Что можно сделать – я сделаю». Действительно, он чем-то натирал Кучугурова, давал ему какие-то таблетки. Начался отлив, но о рыбалке просто забыли. Вечером же третий штурман расспросил токаря о случившемся. Аварийной радиостанции в шлюпке не было, и о происшествии

сообщить на судно мы не имели возможности. Ну а о теперешних возможностях связи тогда даже и не мечтали. «Как все случилось? Ну, взял я ракету, держу перед собой, сверху кольцо. Ну, я знал, что за кольцо надо потянуть, сработает запал, и ракета вылетит из трубки», – рассказывал токарь. «Так ты за кольцо тянул вверх?» – спрашивает Палыч. «Ну да!» Тут у Палыча язык отнялся: ведь токарь выстрелил ракетой в себя! Ее нужно было поднять над головой, кольцом вниз, и вниз же дернуть. Ракета выстрелит и уйдет вверх. А он все сделал наоборот. Но Кучугуров держал ракету под углом, это и облегчило положение: она залетела ему не прямо в грудь, а под телогрейку. Так как он инстинктивно пытался избавиться от огня, ракета вылетела за борт, но поскольку она сработала под телогрейкой, то принесла ему такие страшные ожоги. Помогли утром чукчи-рыбаки. У них оказался спермацет. Он имеется только в голове китов-кашалотов. Для малочисленных народов Камчатки ежегодно выделялось государством китобойное судно. Оно добывало несколько китов для поселений, оставляло их в различных частях побережья на мелководье, и местное население понемногу разделявало китов на корм собакам, себе. Вообще и моряки все знали, что спермацет – первейшее средство от ожогов и обморожений. И не только. Жаль, что в медицине это средство применения не нашло.

А добрыми рыбаки оказались по одной простой причине. Увидев, как занимается с обожженным наш доктор, один из них пожаловался на зубную боль. Доктор возьми и сделай ему обезболивающий укол. Так после этого укола чукча-рыбак ходил за ним по пятам и готов был отдать ему что угодно, предлагал икру, рыбу... потом вспомнил о спермацете – и бегом в свою избушку! Принес литровую банку: «Возьми. Хороший смазка. У меня еще есть». Доктор, помню, отдал ему ампулу с обезболивающим. А Кучугурова мы сами стали осторожно смазывать. Впитается – новый наносим слой. И хотя токарю нашему пришлось пару недель спать, как говорится, домиком, заживление прошло быстро. Я сам в дальнейшем пользовался не однажды этим народным средством, помогало очень хорошо.

К утру токарь уснул. Мы и не заметили, как начался отлив. Зато увидели такую картину, что дух захватило. Насколько хватал глаз – нигде не было воды! Бот лежит на боку. Какая уж тут рыбалка! Чтобы как-то облегчить для третьего помощника предстоящую капитанскую разборку, придумали: токарь спал на парусе у костра, и от вылетевшей искры загорелись на нем одежда и парус. Так или иначе, но какое-то время капитан в эту версию верил. Но шила в мешке не утаить. Влетело, конечно, хотя и не так уж сильно. А у Володи Кучугурова памятка на теле на всю жизнь осталась. Позднее он окончил ТОВВМУ и при встрече говорил: «Верю, что все уставы и инструкции надо читать и изучать. Все они написаны кровью».

Вот так закончилась наша рыбалка с фейерверком и отливом...

МИР ПРЕКРАСЕН

Родился 22 апреля 1972 г. в городе Владивостоке. С 1989 по 1994 г. – студент исторического факультета Дальневосточного государственного университета. Шесть лет являлся (1993-1999 гг.) членом клуба толкинистов и любителей фэнтези «Мэллон» (Владивосток). Автор ряда поэтических сборников, главный редактор газет «Авария» и «Зазеркалье». Автор романов в жанре фэнтези: «Хроники Пятой Эпохи», «Кольцо Судьбы» и повести «Между Светом и Тьмой», а также ряда рассказов и цикла «Оля в мире сказок». Кандидат политических наук, специалист по истории НТС.

Даниил АЛЕКСЕЕВ,
г. Владивосток

1

«Мир прекрасен! – думал цветок. – И солнце, что ласково светит, и бескрайнее синее небо, и сладкий родничок, питающий мои корни – всё это создано для меня! Я самое прекрасное творение природы, цветущее для того, чтобы всех очаровывать и восхищать! Вот пчёлы, которые переносят пыльцу, их привлекает моя красота, и птицы, что летают вокруг, слагают песни о ней, и эта гусеница, что ползёт по стебельку, я тоже ей нравлюсь!» Цветок радостно расцвел, тянул к влаге корешки, подставлял солнцу свои зелёные листочки, раскрывал для окружающих яркие соцветия, он и представить не мог, что нравится гусенице несколько с другой точки зрения...

2

«Мир прекрасен! – считала гусеница. – Яркое солнце, что ласково светит, и этот вкусенький цветочек, его мягкие хрустящие листики, нежный лепесток – всё предназначено для меня! Природа создала все условия, чтобы я полноценно питалась и набиралась сил для чудесного превращения в куколку, а затем и самую красивую на свете бабочку!» Так думала гусеница, поедая цветок. Она не знала, что рядом бродит петух...

3

«Мир прекрасен! – был убеждён петух. – Солнце, что ласково светит, зерновые, поспевшие в его лучах, и аппетитная гусеница – всё это создано для меня! Я самый красивый петух на всю округу, с самым лучшим гребешком и самым роскошным хвостом! А уж какой у меня чудесный звонкий голос! Все вокруг смотрят и восхищаются!» Такие мысли родились в голове у петуха, склевавшего гусеницу. Ему и в голову не приходило, что где-то рядом притаилась голодная лисица...

4

«Мир прекрасен! – думала лисица. – И яркое солнце, что греет мою пушистую шкурку, и питательные мышки, и петушок, сахарный гребешок, какое сочное и нежное у него мясо! – Всё это создано для меня! Я самое прекрасное животное на свете! Ни у кого нет такой красивой мягкой шубки и роскошного хвоста!» Лисица была на вершине блаженства, она наслаждалась едой и не знала, что уже открыт сезон охоты, а люди ценят её красоту по-своему...

5

«Мир прекрасен! – не сомневался Фёдор Якшин. – Солнце светит ярко! Охота была очень удачной – он добыл лису-огнёвку! Вот это мех! Где ещё найдёшь

такую ярко-рыжую окраску! Как он переливается на солнце! А какой пышный хвост! Красота!!! Его Снежана давно мечтала о горжетке! Она и сейчас у него красавица, а в шикарном мехе будет просто королева! А кто ей добыл такую классную шкурку! Нет, человек всё-таки царь природы!» Так размышлял Фёдор, держа за хвост подстреленную лисицу. Ему и в страшном сне не могло присниться, что марсиане готовятся к новому вторжению на Землю, а для защиты от местных микроорганизмов им нужно изучить анатомию человека, и опытный космолётчик Бип на своей летающей тарелке уже прибыл за образцом...

6

«Мир прекрасен! – полагал Бип. – Операция прошла успешно, образец будет доставлен на Марс, там его исследуют и найдут противоядие от земной заразы! И тогда мы покажем этим жалким земным тварям, кто хозяин мира! Да и техника у нас улучшилась в разы! Теперь не нужно выстреливать нашими кораблями из пушки, они снабжены собственными двигателями, и оружие поражения стало гораздо совершеннее!» Космолётчик мечтал о реванше и вводил себе в вену кровь землянина. Ему было невдомёк, что на Альфе-Центавра салат из щупалец осььмищупа (так там называли марсиан) является деликатесом, и его тарелку уже обнаружил космический сейнер...

7

«Мир прекрасен! – радовался Трунинг, глядя, как на конвейере появляются упаковки с красочными наклейками «Салат из щупалец осььмищупа». – Весь мир принадлежит нам – вся галактика, всё вокруг создано для нас!» Он лениво откинулся в мягком кресле. Трунинг любил свою важную и несложную работу. Сейнер полностью автоматизирован, и охота на марсиан в романтическом свете звёзд была сплошным удовольствием. Он и представить не мог, что в галактике Большое Магелланово Облако центаврян используют для контрструпктампализа...

8

«Мир прекрасен! – думал управляющий отделом поставок. – Вот завезли новую партию центаврийцев! Какое важное дело мы делаем, ведь без контрструпктампализа невозможно процветание нашей цивилизации! Мы самое великое сообщество из всех! Вся вселенная создана для нас!» Таким приятным мыслям предавался управляющий отделом поставок, он гордился своей работой и своей цивилизацией, но он не знал, что...

ЖИЗНЬ МОЯ ТОБОЙ КРОВОТОЧИТ...

Вита ШАФРОНСКАЯ,

г. Псков

* * *

Незаметно день пошёл на убыль,
А казалось, нет ему конца,
И ложится Августу на губы
Позолоты броская пыльца.

Ворожит кукушка, не смолкая,
Ленту жизни по годам края,
И меня решительно впуская
В прежде недоступные края,

Где, смочив запёкшиеся губы,
Надо мною голову склоня,
Некто плавно повернёт на убыль
Постоянство светового дня.

СТАРЫЙ ИЗБОРСК

Мерещатся древние стены,
Сухой известняк, и в пыли
Дороги как вздутые вены
Моей ненаглядной земли.

Иду, куда сердце подскажет,
Вдоль озера, мимо ключей,
И речь мою холодом свяжет
Пробившийся к свету ручей.

Подальше от мира и люда,
Поближе к Началу начал,
Туда, где когда-то, как чудо,
Меня птичий гомон встречал...

Теснят городские трущобы,
Оковы сомнений прочны,
И золотом стёршейся пробы
Спят окаянные сны...

* * *

Как уютно этой ночью –
В темноте горит свеча,
И под сбивчивое «Отче...»
Ангел дремлет у плеча.

А с незримого помоста
Смотрит молча, чуть дыша,
На сияющие звёзды
Восхищённая Душа...

* * *

Бывает так – и пустота
Нахлынет с чистого листа, -
Ни лиц, ни тем, ни рифм...

И к запертым вратам ночи
Никак не подобрать ключи,
И не вложить молитв

В окаменевшие уста,
Не разглядеть в себе Христа,
А в зеркалах – себя...

Но видеть лишь, как по листу
Сползает прямо в пустоту,
Твоя Судьба...

* * *

Под пятою выцветшего взгляда
Не поднять опущенных ресниц,
И куда б ни шла я, кто бы рядом
Ни был – не запомнить этих лиц.

Не нема, не связана обетом,
Но молчу, и всё вокруг молчит...
Словно утро, брызжащее светом,
Жизнь моя тобой кровоточит...

МОЕЙ РОССИИ

Ночь. Во дворе орут коты,
Я воздух вздохом сотрясаю:
От состояния «кранты»
Под одеяло заползаю.

Затих на лестнице сосед
Мочой в подъезде угол метя,
Под окнами пронира-дед
Сплавляет самогонку детям.

Пей, одичавшая страна,
Так гордо названная Русью!..
Твоя судьба на всех одна -
От бездорожья к захолустью!

А в Белокаменной – парад
Чеканный шаг утюжит площадь,
И новый справили наряд
Гнилые ленинские мощи.

Гудит под сапогами плац
На радость ветхим пионеркам –
По состоянию «абзац»
Столица вмажет фейерверком.

И будет ликовать народ,
Царьками пущенный по миру...
Но сердце высветит цейтнот:
Остаться б живу, не до жиру!..

Оставит сказки на потом,
Отложит встречи,
сдвинет сроки...
И в состоянии «дурдом»
Под ноги сплунет эти строки...

И нынешний кляня разор,
Палёнку выцедит из фляги...
Как долгов русский форс-мажор
И как убийственны зигзаги!..

Моя бездомная страна,
Имперской бывшая державой
Как сирота опять одна,
В лохмотьях да с сумой
дырявой...

* * *

Пей крепкий чай, смакуя горечь,
В окно ослепшее смотри
И ни о чём не говори.

Броди в толпе разноголосой,
Гони себя, куда угодно,
Что толку – сердце не свободно.

Везде: на шумном перекрёстке,
В сети изъезженных путей -
Ты будешь тосковать по ней...

Везде: под стук секундной
стрелки,
Под хлопанье входных дверей –
Ты будешь тосковать по ней...

Пить крепкий чай,
смакуя горечь,
В небытие ушедших дней, -
И снова возвращаться к ней...

О, КАК ЖЕ ВРЕМЯ МЕДЛЕННО ТЕЧЁТ...

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

* * *

Плывёт в небесной тверди
яркий плот,
Механике незримой
подчиняясь.
В бетонном склепе
догнивает плоть,
Молекулой на Страшный Суд
являясь.

В урочный час
предъявлен будет счёт,
Господний страж объявит
грешным нечет.
О, как же время медленно течёт,
Но абсолютно никого не лечит.
2011-06-27

ГРЯДУЩИЙ СПАС

1. Прекрасная стоит погода,
Вот-вот грядёт медовый Спас.
Не будет Спаса – мало мёда,
А что добудут – не про нас.

Благодарим и за картошку,
Отрыжку с барского стола.
Такую ль подают окрошку,
Что вся Расея так ждала?
2010

2. Кричим.
Чиновникам не слышно.
Иль просто не хотят помочь?
Пеняем на кривое дышло,
Лежащее в грязи, обочь
Досель дороги непроезжей.
Посечь бы кучера на съезжей!

Поставить вора на правёж!!
Да где исправника возьмёшь?
2011

БАГРЯНЫЕ СЕТИ

Опускается солнце
в багряные сети,
В камышах засыпает
пернатая тварь,

Появляется вдруг
безалаберный ветер
Над лагуной, качая
небесный фонарь.

С ним пытаются спорить
далёкие звёзды
Неподвластных уму
галактических сфер,
Он, играючи, рушит уютные
гнезда,

Подавая всеядным
жестокий пример.

Выползают ужи и ежи на охоту,
По траве разливается
лёгкая зыбь.

Неизвестный судья,
подавляя зевоту,
Укрывает туманом
янтарную сыпь.
2011

* * *

Любимая страна,
прости за откровенье,
Мы говорим с тобой
на разных языках,
В моей душе давно
нет прежнего кипенья,
Зато навек засел
неистребимый страх.

Страх не перед борьбой
с туменами ногай,
Что нет в моей мощне
зелёного бабла,
А то, что ты лежишь
в грязи совсем нагая,
И что свои мозги
ты напрочь пропила.

До фени всё тебе,
ты ходишь лишь в исподнем,
Представив на весь мир
греховный свой сосуд.
Что скажешь ты потом,
придя на Суд Господний,
Что он не отворатим,
подумать недосуг?
2011

ОРАНЖЕВЫЙ ЖЕЛТОК

Чем озеро не тёплое корыто,
Чем солнце не оранжевый
желток?
Раз небо для дождя бывает
ситом,
Быть может ситом в доме
потолок.

Зимой всё хуже,
солнце слабо греет,
Лишь летом так немыслимо
печёт,
И гейзером быть может батарея,
Кран переключишь, а она течёт.

Помыться сможешь
под холодным душем,
Восторженным, домашним,
ледяным.
Подлечишь нервы,
станешь благодушным,
Поскольку ты не можешь
быть иным.

Наполнен брагой воздух
вечерний,
За пряслами бушуют зелена.
Любовным парам мудрый
виночерпий
Налил по полной, обойдя меня.

Смолкают звуки в воздухе
вечернем,
Во всю сверкает
поднебесный щит,
Как яблоко, подточенное
червем,
Земля о чём-то горестно молчит.
2011

* * *

Не слово померещилось в ночи,
А тихий стон истерзанного
сердца.
Зачем из глины стряпать кулича,
Соединять
с минорной частью скерцо?

ШКОЛА ЮНГ НА АМУРСКОМ БЕРЕГУ

Валентин БЕРСЕНЁВ,
г. Комсомольск-на-Амуре

Валентин Григорьевич – потомственный речник, ветеран Амурского речного пароходства, ветеран Комсомольского речного порта, заслуженный речник Амура, член Дальневосточной народной академии наук, действительный член Приамурского географического общества. Автор девяти книг по истории речного и морского флота Дальнего Востока.

**НА КОНКУРС:
«Ребята нашего двора»**

Я давно уже не рыбак, но время, о котором я хочу рассказать, имеет непосредственное отношение к рыбацкой профессии, полученной мной и моими друзьями-однокурсниками в Комсомольске-на-Амуре.

Город Комсомольск-на-Амуре, находящийся на приличном расстоянии от морей и океанов, дал в своё время рыбопромышленному флоту около тысячи высококвалифицированных специалистов: штурманов малого плавания, механиков-дизелистов, старшин и мотористов рыболовецких судов разных классов и модификаций. Флот Средне-Амурского, Нижне-Амурского и Охотского Госрыбтрестов получал кадры командного состава из Николаевской и Комсомольской-на-Амуре рыбопромысловых школ юнг, а позже по преемственности из мореходных школ названных мной городов. Организованы они были в 1943-44 году по решению правительства, как и все школы юнг той поры.

Время было тяжёлое, голодное, страна нуждалась в специалистах флота, необходимых для работы на промысловых судах. Для увеличения добычи рыбы и морепродуктов требовался совершенно новый флот и кадры, которые бы решали проблему снабжения голодной страны продуктами питания, морепродуктами.

Во все приамурские села, а они назывались в то время рыббазами и рыбозаводами, начал поступать новый самоходный флот, образовались МРСы (моторно-рыболовные станции), рыбацкохозсоюзы, рыбные тресты. Троицкая, Комсомольская, Нижне-Тамбовская МРСы получили мотоботы мощностью 10 л.с., на многих из них работали старшинами и мотористами юнги из Комсомольска.

В 1950 году Иннокентьевская и Нижне-Тамбовская судоверфи деревянного судостроения приступили к выпуску серии катеров-буксиров мощностью 50 л.с. Калоризаторные двигатели-шарокалы для них выпускал Хабаровский завод «Дальсельмаш», ныне завод «Дальдизель».

Сосновская волжская судоверфь направила на Амур по железной дороге большую серию композитных, деревянных катеров прибрежного плавания, которые работали на Амурских рыбозаводах до 60-х годов. Все названия, так совпало, начинались с литеры «Л»:

«Любопытный», «Льготный», «Ловецкий», «Лихой», «Лютый» и т.д. На них устанавливались двухтактные дизели мощностью 40 и 50 л.с., которые запускались от запального патрона.

Набор курсантов в школу юнг производился из подростков приамурских сёл, а также семей потомственных рыбаков, потерявших кормильца на фронте. Первые юнги имели 4-х классное образование, в следующие потоки набирались курсанты с семилеткой на конкурсной основе. На проспекте Сталина (ныне – проспект Мира), недалеко от Амура, рядом с базарной площадью в кратчайшие сроки были выстроены жилой и учебный корпуса, а напротив – слесарно-механические мастерские (сейчас на этом месте стоит 14-этажное здание).

Шли годы, совершенствовался флот, повышались требования к обслуживающему персоналу. В 1950 году двухгодичная школа юнг стала трёхгодичной мореходной школой. За парты сели более «взрослые» курсанты, так называемые «москвичи», прибывшие из Смоленска, Городка и Подмосковья. Абитуриенты, юноши – переростки приехали с бывших оккупированных территорий. Как тогда говорили: «Они прошли Крым и Рым». Курсанты практиковались на морских судах Охотска, Гижиги, Владивостока.

В 1952 году ликвидируется Николаевская-на-Амуре «мореходка», а курсанты третьего курса направляются доучиваться в Комсомольск. Там состоялась радостная встреча, знакомства переросли в братскую дружбу. Николаевцы быстро прижились в нашем экипаже и оказались отличными ребятами, спортсменами, отстаивающими честь «мореходки» на городских и краевых спортивных соревнованиях, а отличники учёбы после окончания школы получили направление в Мурманское высшее мореходное училище.

Самым большим стал выпуск 1953 года – три группы штурманов и две группы механиков. Охотск и Гижига, Владивосток и Находка, бухта Провидения и Усть-Камчатск. Молодые специалисты требовались везде. Выпускников Комсомольской мореходной школы брали на флот не задумываясь.

Преподаватели, не считаясь со временем, допоздна занимались с курсантами в учебных классах и мастерских. Был великий творческий порыв, переросший в соперничество по овладению новыми знаниями. По-

сле отбоя группа энтузиастов самостоятельно собрала американский дизель «Вольверин», давно отслуживший свой срок, и к весне запустила его, начав на весь учебный корпус. Все щеголяли морской терминологией, непонятной девчатам, приглашенным на субботний вечер отдыха. За большую честь считалось заступить на вахту и повесить на грудь боцманскую дудку. А сколько было впечатлений после практики на судах!..

После выпускного вечера в 1954 году, мы, получив направление Минрыбпрома, разъехались по своим рыбозаводам. Нас было немного, всего 26 человек, все механики. Большинство молодых специалистов попали по распределению на Охотское побережье, другие отправились на Амур. Я распределился на Болонский рыбозавод помощником моториста катера «Ловецкий». После окончания навигации работал на электростанции мотористом. Весной 1955 года получил перевод в Комсомольск на рыбокомбинат помощником механика разъездного катера «Гордый» (150 л.с.), на котором работал механиком **Иван Желещиков**, годом раньше закончивший нашу мореходку. Капитаном был бывший юнга Балтийского флота **Бурдуков Александр Михайлович**. В то время это был первоклассный деревянный композитный катер Ярославского завода, прадедушка нынешних катеров «Ярославцев». Катер совершал порожние рейсы от Хабаровска до Николаевска с руководством Средне-Амурского Госрыбтреста на борту, с заходом во все рыбозаводы.

В 1956 году рыбный трест ликвидировали, многие рыбозаводы свернули свои рыбалки, государственный лов прекратился, флот подлежал списанию, ставился на прикол.

1 сентября 1956 года я был переведен на Комсомольскую-на-Амуре пристань АРПа, где и проработал очень долго, пройдя путь от второго помощника механика до главного инженера порта...

СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

1974 год. 23 июля. Этот день мы, выпускники рыбопромышленной мореходной школы 1954 года, встретившись двадцать лет спустя в городе юности Комсомольске-на-Амуре, запомнили на всю жизнь.

Теперь этой школы нет, а в те годы она вошла структурным подразделением в Дальневосточное мореходное училище, перебазировавшись в Находку.

Мы договорились встретиться на месте родной мореходки, под тополями, посаженными нашими же руками весной теперь уже далёкого 54-го. Жизнь разбросала нас по разным адресам. Выпускников Комсомольской школы юнг вы можете встретить в Усть-Камчатском и бухте Провидения, в Охотске и Хабаровске, в Керчи и Мурманске, и даже в Астрахани. В Комсомольске-на-Амуре водит суда на подводных крыльях **Михаил Гройсман**, механиками амурских буксиров работают **Борис Сорокурс** и **Владимир Мезенцев**, в далёком Усть-Камчатске стоит у пульта дизелей **Геннадий Савченко**, бригада слесарей-монтажников **Владимира Ермакова** – одна из лучших на

Хабаровском судостроительном заводе. Главным инженером Охотского порта трудится **Павел Волонев**, а любимец и запевала нашей группы **Василий Василенко** по приказу министра рыбной промышленности осваивает в Мурманске новые поточные линии рыбных деликатесов, возглавляя завод «Продмаш». О многом с волнением говорили мы в день нашей незабываемой встречи. Думается, время не потеряно даром, за двадцать лет мы выросли и духовно и физически, стали людьми, нужными нашему обществу.

Не все, к сожалению, дожили до этого счастливого дня. Погиб, спасая товарища в октябрьских водах Амура, **Олег Сысоев**. Нет теперь и нашего взводного **Анатолия Шунько**, погибшего во время штормового рейса в Татарском проливе. Они были настоящими моряками и такими остались в памяти навсегда.

На встрече выпускников мы составили фотографический альбом из старых снимков, отыскался даже табель успеваемости курса. Сфотографировались у наших любимых тополей, повязали на одном из них ленточку от курсантской бескозырки. Подростки, заинтересовавшись шумным сбором выпускников, подошли к тополю и стали читать надпись на ленточке: «**Рыбопромышленная мореходная школа юнг МРП СССР**», – сомневаясь в том, что на этом месте стояла когда-то наша «мореходка». Была! И дала нам путёвку в жизнь. И за это до конца дней своих мы сохраним о ней добрую память.

На дворе второе десятилетие нового века. Выпускников нашего училища становится всё меньше – время берёт своё. Я продолжаю жить и работать. Активно занимаюсь историей отечественного флота. Благо в данной области накоплен большой опыт.

После комсомольской школы юнг мне довелось учиться заочно в благовещенском речном училище (ныне – филиал МГУ имени адмирала Г. И. Невельского). Со второго курса был переведён в Москву, где окончил Всесоюзный заочный техникум речного транспорта (судомеханическое отделение). Позже получил смежную специальность – «оборудование судов». Потом были: Новосибирский институт инженеров водного транспорта, повышение квалификации при Ленинградском и Московском политехническом институтах.

На командных должностях отработал 23 года. Береговой инженерной службе отдал ещё 28 лет. Прошёл путь от юнги до главного инженера порта Комсомольска-на-Амуре и начальника технического отдела управления Амурского речного пароходства. Работал на гидровыгрузателе в Сингапуре и Малайзии, намывал пляжи в Лумуте и Мелаке. Довелось трудиться на воде при строительстве моста через Малаккский пролив между Сингапуром и Малайзией. В родной Комсомольск вернулся из-за границы через три года.

Несмотря на преклонный возраст, унынию не поддаюсь. Думаю, во многом помогают жить воспоминания курсантской юности, когда о мужественной морской профессии мечтал каждый мальчишка нашего двора.

СОЛНЦЕ ОСЕНИ СВЕТИТ...

Василий ПОНОМАРЕНКО,
г. Ярославль

* * *

Путь Книги сквозь века
триумфиален!
Весь мир великий книгами
завален..
Они в шкафах, на стендах
и на полках –
Нам нелегко среди них,
монбланно-стольких!
Они нам светочи и в чём-то
как вериги,
Увесистой базальтовой булыги...
Ты пишешь? Умножаешь
книги лично?
Так изъясняйся ёмко, ярко,
лаконично.

ЯРОСЛАВЛЬ, КВАРТАЛ «КРЕСТЫ»

Два дома новых, два Атланта,
Здесь чья-то воля вознесла –
Азийской синью Самарканда
Двух крыш покрыла купола...
Ансамбль приятственен
для глаза.
И всё, что в нём воплощено,
В честь камня ценного, Топаза
Лирически наречено.
А невдали стоит церквуха,
Сияя золотом креста,
В обитель Творческого Духа
Приоткрывает нам врата.
У врат Ключарь взирает строго,
Ему насквозь мы все видны:
– Входи, милок, твой дар от Бога!
– А ты не смей, дух сатаны...

СЛЕПОЙ ПОЭТЕССЕ

У Розы Гуревич потеряно зрение:
Розу в цвету ей увидеть
невмочь...
В лирично-целительном
стихотвореньи
Я человеку стараюсь помочь.
К свежему солнцу лицом
на рассвете
Всем жизнечувствием оборотаясь,
С волшебною розою в нежном
соцветье
Даже незрячий
почувствует связь.

В смерклых зеницах
встрепещут нейроны,
Солнцезивительность
вглубь уводя,
Розовость розы в душе
благосклонно
Хоть на мгновение разбередя...
У Розы Гуревич сердечное
зренье –
Оно проявляется
в чуткости строк,
Одoleвает завесу затмения –
К людям стремясь,
словно к солнцу цветков.

* * *

Изумрудные капли росы –
В них рассветное солнце играет,
Хотя некто с газетной лихой
полосы
Моё сердце отравным пером
уязвляет.

Без того жизнь была у меня
нелегка...
Да и возрастом я
во три четверти века!
Вдруг тебя гвозданула рука
дурака –
Борзописного лжечеловека...
Уничтожить меня им, конечно,
невмочь!
Коль умру, то строкою своею
воскресну.
Пасквилянтов моих время
выкинет прочь:
Шаромыжно вели себя,
злобно, бесчестно.

Видно, каждый из них –
это мини-Дантес,
Их пальба для меня
не страшнее хлопушки.
Всё же сердцу подбавят
губительный стресс –
Значит, вроде бы я –
ими стресснутый Пушкин...
Вот приходят друзья
успокоить меня.
Душегубцы хотят поскорее
сничтожить...

Солнце осени светит,
мой сад полоня,
Чтоб я смог свои силы сберечь
и умножить!

ГОСТЕПРИИМСТВО ПО-КАВКАЗСКИ

Нет ни подвоха, ни интриги,
Когда, на шулки тароваты,
Они под нос вам сунут фиги
И взгромоздят на стол гранаты...

ПАРОЧКА

Когда с ней в жизнь он окунулся,
Вскипела драма недолга:
В нём Яго ревностный
проснулся,
А в ней – обычная Яга!

ШУМ ДА ЗВОН

Художественнаяковка
по металлу
Подвешенным удачно языком...
Нам подражать ей вовсе
не пристало –
Хотя б отчасти или целиком!

* * *

Вам, кто травить меня активен,
Могу, не злобствуя, сказать:
– Да, я бываю зубъективен, –
Есть на кого мне зуб держать!

ТАКТИКА

На дерево собака не взберётся –
Разумный кот любой
там от неё спасётся:
Цап-цап-царап, навроде рыси,
Порой взлетают наши кисы
В незасобаченные выси!
И я порой спасаюсь так
От борзописных литсобак?
Родных стихов
лирическая крона –
Душе моей святая оборона.

СПАСАЮЩИЕ ЛЮБОВЬ

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ,
г. Омск

Отец вывел меня за силовую линию зоны безопасности и сказал:

– Будь осторожен, мой мальчик. Помни на каждом шагу печальный исход предыдущей экспедиции.

Я кивнул.

– Возвращайся скорее, – помолчав, добавил отец.

Он хотел сказать что-то ещё, но помешал предупреждающий сигнал: контрольное время, на которое открылся проход в лагерь, истекало. Отец вздохнул и пошёл к кораблю, опустив плечи. Только тут я заметил, как он постарел. Непокрытая голова совсем поседела. Нелегко ему было убедиться в гибели своих товарищей, которых он в год моего рождения проводил в невозвратный полёт. Тот год был концом эры Ревнителя. Эпоха жесточайшего контроля за рождаемостью канула в вечность. Пятеро астронавтов, улетевших на Орону для установления контактов с предполагаемой цивилизацией, были друзьями отца по борьбе с режимом Ревнителя. Они улетели, чтобы никогда не вернуться. В последнем сообщении, полученном от них Центром космической связи, говорилось:

«В окрестностях юго-восточной гряды Орены нами обнаружены шесть пар неидентичных по размеру следов, ведущих в верховья гор. Выкладки информатора позволяют предполагать, что на планете обитают существа, подобные нам, но с незначительными зачатками цивилизации. Каменный век? Начинаем поиск».

А затем последовало двадцатилетнее молчание. Один отец не верил в гибель товарищей. И только благодаря его заслугам перед обществом удалось получить разрешение на повторную экспедицию.

Мы опустились на Орону совсем рядом с лагерем наших предшественников. Это была площадка, гранитную подошву которой давным-давно покорёжил огонь. Видимо, при взлёте корабля. Сначала подумалось, что астронавты, возвращаясь на родную им Стоену, сбились с курса и блуждают сейчас в космосе. Но отец нашёл чудом уцелевший бортовой журнал. В нём он с трудом разобрал странную запись:

«Ночью внезапно заработали двигатели корабля. Мы погибли...»

– Отец, это они подняли корабль, – поразила меня догадка.

– Кто – они? – не понял он.

– Существа, о которых было последнее сообщение.

Отец лишь горько усмехнулся. Действительно, такое предположение было невероятным. Справиться с управлением корабля под силу лишь хорошо обучен-

ному экипажу. Но ничего другого мне так и не пришлось в голову.

– Поживём – увидим, – сказал тогда отец. И я понял, что он надеется разгадать тайну, обследовав холодную звезду. Но Орена крепко хранила её в своих недрах. Трёхмесячный поиск не дал почти никаких результатов. Не ожидал я удачи и нынче, когда отец проводил меня за зону безопасности. Когда он скрылся в корабле, я направился по заранее намеченному маршруту – к западному склону юго-восточной гряды.

Этот склон ничем не отличался от восточного или северного, уже исхоженных нами вдоль и поперёк. Те же внезапные каменные осыпи, тот же густой ярко-зелёный кустарник пирамидальной формы, опрокинутый на острие, тот же снег с редкими когтистыми отметинами, оставленный мелкими зверушками.

Выбравшись на открытую площадку, я осмотрелся. Ничто не привлекало моего внимания. Внизу, багряно отливая на белом, краснел прямоугольник лагеря, пустынный и настороженный. Задрав голову, можно было увидеть самую высокую вершину Орены в две тысячи метров. А прямо по маршруту рос этот безобразный кустарник. Вообще немногочисленные растения этого шарика, в десять раз меньше моей Стоены, тяготели к геометрической законченности. По одному дереву, растущему в долине, можно было наглядно доказать правильность теоремы Пифагора.

Но нужно было идти дальше.

И я опять продирался через кустарник, превращая в лохмотья комбинезон, пока не наткнулся на узенькую, едва приметную тропинку, пробитую в склоне. Если бы она не перерезала мне путь, я бы её не заметил. Поражённый, я опустился на колени. Несомненно, это была тропинка. Только вот кто её проложил: зверь или человек?

От волнения меня прошиб пот. Я быстро поднялся, сжал в руке шоколазер – так, на всякий случай, – и бросился вверх по тропе. Когда кусты кончились, открылось небольшое известковое плато, я чуть не закричал от радости. На мягком известняке явно угадывались ступни ног, их отпечатки. Я крадучись двинулся по ним, не опуская оружия, и вскоре уткнулся в стену. Возле неё, тоже известковой, чётко проступала утоптанная площадка. Кем? И перед чем? Я поднял глаза из-под ног и увидел смутные очертания, напоминающие вход. Достаточно было ткнуть в щель лезвие ножа и надавить, чтобы дверь, заскрипев, подавалась. Теперь пот лил с меня градом.

Немного помедлив, я рванул дверь нараспах. В

нос шибануло сыростью и затхлостью. Преодолевая отвращение, я ступил в темноту, готовый каждую секунду выскочить назад или щёлкнуть затвором шоко-лазера. Но никто не бросался на меня, и я, включив фонарик, двинулся вдоль шершавой стены помеще-ния. Пятно света вырывало из темноты то сундук, то какую-то нишу, то несколько стёсанных под сиденья камней, и я уже не сомневался, что обнаружил при-станище тех существ, следы которых нашли члены первой экспедиции.

Внезапно луч света выхватил примитивный стол, а на нём стопку книг. Не веря своим глазам, я подо-шёл ближе. Да, на столе лежали книги. Я осторожно взял верхнюю и прочёл ничего мне не говорящую надпись на обложке. Ошалело положив книгу на стол, взял следующую, более тонкую. «Краткий спра-вочник астронавигатора», – прочёл я и, уронив его, обессилено опустил на камень. Это пособие было мне хорошо знакомо. Не раз и не два пользовался я точно таким же перед экзаменами по астронави-гации как шпаргалкой. Старый, написанный ещё в эпоху Ревнителя, он выручал ни одного меня, и единственный экземпляр «Справочника...», хранив-шийся в библиотеке космогородка, ценился дороже экскурсии на Марс.

«Схожу с ума!», – решил я, бесцельно шаря рукой по грубым доскам стола, пока не наткнулся на что-то мягкое и волглое. Направив туда фонарик, я увидел тетрадь и раскрыл её где-то посередине.

«Теперь, когда всё самое страшное и тяжёлое оста-лось позади, я решил продолжить свои записи, кото-рые, надеюсь, помогут мне разобраться во многом. Сегодня, по летоисчислению Стоены, 25 июня 3384 года... Значит, пошла вторая неделя, как мы благопо-лучно приоренились, если, конечно, не принимать во внимание то, что при посадке я разбил корабль, – чи-тал я. – Но, думается, он больше не понадобится. Ин-тересно, как себя почувствовал Ревнитель, когда ему сообщили...

Зовёт Лила».

С трудом оторвавшись от записей, я быстро настро-ил радиопередатчик на волну отца, и почти тотчас раздался его голос:

– Слушаю, мой мальчик.

– Отец, – сказал я. – Я нашёл.

– Что?

– Место, где они жили.

– Кто – они?

– Те, кого мы ищем.

– Вот как... – Отец помолчал. – Сообщи свои коор-динаты.

Я глянул на ручной координатор и сообщил.

– Хорошо, – сказал отец бесстрастно. – Жди.

Я выключил передатчик и принялся читать записи с самого начала.

«Я готовился к интересному полёту за пределы на-шей галактики и, как обычно, мне никто не мешал. Досконально изучая предложенный Советом полётов маршрут, вносил кое-какие поправки. Беспокоило лишь одно – Лила. Последнее время она очень стран-

но на меня поглядывала. Наконец призналась, что станет матерью.

– Ты боишься? – спросила она прямо.

– Нет, Лила. Но у нас нет разрешения Ревнителя.

– Так добейся его.

– Это невозможно, – сказал я, хотя Лила не хуже меня это знала. – Простой астронавигатор не имеет права на продолжение себя иначе, чем клонировани-ем. Да и то при условии, если необходим обществу.

– Ты боишься, – сказала Лила уже утвердительно, и я понял, что она не изменит своего решения.

Сегодня меня вызвал Командор.

– Тебя требует Ревнитель, – сообщил он.

Я не трус. Мне приходилось один на один встре-чаться с синим драконом на Голубой звезде, плутать без надежды на спасение в клоаке Арса, но сейчас, услышав эти слова, вздрогнул. Вызов Ревнителя озна-чал одно – эта мерзкая служба охраны нравственно-сти донесла ему, что у нас будет ребёнок. И всё же я нашёл в себе силы пробормотать:

– Зачем?

– Это тебе скажет Ревнитель.

Ревнитель встретил меня в Розовой башне, где он обычно вершит суд и расправу.

– Астронавигатор Мак? – спросил он, и его обвис-лые жирные щёки задрожали мелко и отвратительно.

– Да.

– Скажите, зачем вам ребёнок, когда вам дана Веч-ность?

– Я астронавигатор, – сказал я. – А в космосе может случиться всякое. Вечность на космос не распростра-няется. Как, впрочем, и далеко не на всех, живущих на Стоене.

– Это так, – вроде бы доброжелательно согласился Ревнитель. – Но вы преступили Закон, а наша солне-чная система и без того перенаселена. Вы знаете, что грозит вам за нарушение Закона?

Мне грозило лишение даже надежды на клониро-вание.

– Да.

– И всё-таки вы не отказываетесь от своего намере-ния?

– Я открою новую планету или галактику, система которой будет пригодна для жизни, – ответил я уклон-чиво.

– Тогда, возможно, вы получите разрешение на про-должение себя естественным образом, – сказал Рев-нитель почти ласково. – А теперь ступайте к жене. Че-рез двадцать четыре часа она должна быть в Центре службы нравственности, – и, заметив, как я поблед-нел, добавил: – Не волнуйтесь, ей не будет больно. Она вернётся к вам прежней, а вы не будете наказаны. Мы помним ваши заслуги. Быть может, вас даже не от-странят от предстоящего полёта. Идите.

– Нам надо бежать, – сказала Лила, выслушав мой рассказ о встрече с Ревнителем.

– Куда? – спросил я безнадежно. – Разве толь-

ко в другую галактику...
– Вот именно, – сказала Ли́ла.
– На чём, Ли́ла?
– Ты знаешь. Надо только решиться.

Я решился.

Наскоро вычислив маршрут до Орены – самой дальней звезды Третьей галактики, схожей по некоторым предположениям с нашей планетой, – я отчаялся на последний шаг, потому что не мог предать любовь Лилы.

Вечером я сел в служебный аэролёт, заблокировав Лилу в грузовом отсеке, не проверяемом службой досмотра, и направил его к космодрому, где, готовый к старту, стоял экспедиционный корабль.

При пересечении линии досмотра аэролёт повис в воздухе.

– Кто? – спросили снизу.

– Астронавигатор Мак.

– Зачем?

– Произвести пробную настройку астроаппаратуры.

– Номер допуска?

– 14КЛН.

Если Ревнитель лишил меня допуска, то сейчас будет всё кончено. Но всё обошлось. Должно быть, он не сомневался в моей благоразумности.

Корабль, освещённый прожекторами, ждал нас.

К чёрту всякие записи! Я слишком счастлив на этой маленькой снежной планете. У меня родился сын. Сын!!!

Ночью я проснулся от грохота и выглянул из нашей пещеры. На равнину опускался корабль.

– Что там? – спросила Ли́ла.

Я не стал её расстраивать, она ждёт второго ребёнка.

– Упал метеорит.

– А-а, – сказала она, и я почувствовал в темноте её улыбку.

– Мак, – шепнула она, – уже скоро.

...Днём я видел их совсем близко. Они – пятеро – прошли мимо, разглядывая следы, оставленные нами. Но кто мог предположить, что они доберутся и сюда?

Нашей дочке исполнилось трое суток.

Ночью мы спустились с сыном в лагерь. Они дрыгли, как суслики, но у меня не поднялись руки... Остаётся одно: повторить уже раз пройденное. Смогу ли я справиться с этим кораблём? Но иного выхода нет. Завтра или никогда. Только бы не испортилась погода, иначе они заберутся ночевать в корабль. Выдержит ли маленькая Ли́ла?..».

Театр кукол «Арлекин». Фото Анастасии Антоновой, г. Омск

Записи оборвались. Я долго сидел не двигаясь, не отрывая глаз от последней строчки. Я видел, как трое крадутся по хрусткому снегу к кораблю. Мак идёт первым, за ним Ли́ла с девочкой на руках, а последним – их сын, должно быть, мой ровесник. Или наоборот. И я не мог осудить их за смерть товарищей. Откуда они могли знать, что времена Ревнителя давно прошли, что этот ужасный сон оборвался?..

Но что стало с ними? Где они сейчас летят? И куда?

В пещеру вошёл отец.

Я поднялся ему навстречу.

– Что с тобой? – тревожно спросил он, осветив мне лицо.

Я протянул ему тетрадь:

– Прочти.

И вышел.

В высоком небе ярко горели крупные звёзды.

К какой-то из этих звёзд нёсся сейчас корабль с людьми, спасающими свою любовь.

Я, не разбирая дороги, бросился вниз, к лагерю.

С ними ещё можно было связаться.

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Светлана ШКЛЯЕВА,
г. Владивосток

Мой родной город находится в шестидесяти километрах от Волги. Не описать восхищенья, которое я испытала, впервые увидев эту великую реку. Меня поразили величественный простор и какая-то барская вальяжность Волги, неспешно несущей свои воды по руслу необъятной ширины. Противоположный берег лишь угадывался в голубоватой дымке. Я влюбилась в Волгу с первого взгляда раз и навсегда, испытывая при каждой встрече с ней чувство радостного восторга. Спешно скинув сандалии, заходила в воду по колено. Мелкий белый песок щекотал подошвы ног. Ласковый ветер трепал мои волосы, тербил подол платья. От просмоленных рыбацких лодок, лежащих вверх днищами на солнечном берегу, веяло каленым дёгтем и рыбой. – Хорошо!

В десятилетнем возрасте в учебнике «Родная речь» я увидела иллюстрацию «Крымский пейзаж с видом на Чёрное море». У меня появилась мечта побывать на море. Мечта была такой нестерпимой, что, повзрослев, при первой возможности я исполнила её. И вот – Сочи. Я стою на пляже и ещё не верю себе. Горячее южное солнце обжигает обнажённые плечи, а ноги лижут ласковые волны тёплого моря. Почему его называли Чёрным? Говорят, что в шторм вода становится чёрной. Я видела его в шторм. Вода действительно темнеет, все оттенки серого цвета, но чёрного так и не заметила. В солнечную погоду Чёрное море какое-то совершенно немыслимо синеголубо-бирюзовое. Оно оказалось достойно моей мечты. И я влюбилась в Чёрное море с первого взгляда раз и навсегда.

Владивосток. Что занесло меня в отдалённый край моей раздольной страны – неважно. Притерпелась к климату, прижилась. Будучи заядлой любительницей рыбной ловли с удочкой, с членами своей семьи объехала множество речек и озёр. Рыбалка для меня не способ добывания рыбы, а процесс. Сидишь с удочкой на каком-нибудь бережке, заглядевшись на дальние дымчато-задумчивые сопки, лёгкий ветерок гонит мелкую рябь по воде, пересвистываются птицы, соревнуясь между собой в искусстве пения, полосатые бурундучки, расшалившись, уже не обращают внимания на твоё присутствие, шагают под ногами. Погрузившись в блаженство созерцания, не замечаешь ныряющего поплавок. На душе благодатный покой. Ну а если случайно вытянешь какую-нибудь рыбёшку – приятное дополнение к забываемому общению с природой.

Люблю я Её Величество Матушку Природу! Вот только каждый раз меня поражает циничное, потребительское, пренебрежительное отношение к ней людей (рыбаков, отдыхающих). Банки, бутылки, полиэтиленовые пакеты, обрывки сетей и ещё различного хлама оставляют после себя «цари природы».

Между поклёвками и созерцанием красот в меру своих сил стараюсь прибрать облюбованное мной для отдыха место. Всё, что горит – сжигаю в костре, что не горит – собираю в кучку. Мне стыдно и горько за людей, чувствую себя виноватой, ибо и я принадлежу к «царскому племени». В «Маленьком принце» Антуана Экзюпери есть высказывание – не цитирую, потому что не помню дословно – но смысл таков: проснулся утром, прибрал себя, прибери свою планету. Было бы замечательно, если бы для всех людей эти слова стали девизом. Когда наша страна называлась Союзом Советских Социалистических республик, она была ещё более обширна. Мне довелось любоваться алыми маками причерноморских степей, весенним половодьем жёлтых тюльпанов Казахстана, ступать по раскалённым пескам Каракумов, стоять на скалистом уступе над пропастью, потрясённо озирая величественную панораму главного кавказского хребта с белоснежными вершинами в разгар лета. В глухой сибирской тайге, собирая в скромный букетик оранжевые жарки, думала о том, насколько красива Земля в своём многообразии!

Много лет спустя я навестила свою малую родину. Свиданье с детством, юностью само по себе событие волнительное. Отправилась проведать Волгу. Приблизилась к ней с внутренним трепетом. Вот уже наметился в сизой дымке противоположный берег с крутыми увалами. А вот и плес, где я зоревала по утрам и вечерам. Своё возлюбленное место узнала с трудом по старой липе. В мою юную бытность она уже была старой. Расщеплённый и обожжённый молнией ствол её клонился к воде, как стан согбенной старухи. Но ветки липы каждой весной распускались свежей листвой. Сейчас липа стояла мёртвая. У её подножия больше не плескалась вода. Плёс наполовину усох. Волга отступила от своих прежних берегов на десятки метров, обнажив серое песчано-илистое дно. Брошенные катера и баржи, ржавеющие на мелководье, напоминали кладбище кораблей из фантастического фильма про пиратов. С момента сдачи в эксплуатацию водохранилищ и гидростанций, река в средней её части обмелела, «похудела в талии». Я сидела на краю песчаной косы у кромки воды, куда раньше и не доплывала, невесёлые думы одолели меня: мои потомки не увидят уже той девственной природы, которую довелось видеть мне. Кучи мусора и хлама растут повсюду не по дням, а по часам. Свалки как язвы расползаются по земле, уродуя природные ландшафты. Техногенные катастрофы и грубое вмешательство в естество природы губят всё живое. Хочется крикнуть во весь голос: «Люди, опомнитесь! Каждый – приберите свою «маленькую планету», чтоб и потомки смогли полюбить её с первого взгляда и навсегда».

ВОЛШЕБНЫЕ ИСТОРИИ

Евгений ВАЛЬС,
г. Омск

Родился в 1976 году в Омске. Закончил Омский государственный педагогический университет. Публиковался в газете «Мальчишки и девчонки», журналах «Водолей», «Преодоление», альманахах «Трёхколёсный велосипед», «Серебряный город 2010». Автор книг «Зеркальные сказки», «Сказки живут рядом», «Ялиоль и сфергамы Таласа»

ПРИЩЕПКА

Облака были слишком быстры, звезды – слишком далеки, земля еще не освободилась от снега, а первый бесполезный дождь умел говорить только с самим собой: в таком окружении могла бы провести свои последние часы одинокая деревянная прищепка, если бы не ветер. Она цепко держалась за мокрую веревку и не обижалась на яростные попытки ветра сорвать ее. Она знала: в этом его суть, иначе он перестанет быть собою.

– В кого бы он превратился, если бы перестал быть ветром? – думала прищепка.

Она помнила, что не всегда была прищепкой: сквозь нее устремлялись к пышной кроне древесные соки и оживляли весной листву, спрятавшуюся в крохотных почках на ветвях могучего дерева. Она была этим деревом, которое никогда не боялось мериться силами с более могучим ветром. Она и сейчас не хотела уступать ему, убежденная в том, что сама решит, когда наступит ее час сорваться с веревки. Ведь если она – прищепка, то станет ничем, когда это случится! Разве она может стать ничем?!

Ее упорство в сопротивлении стихии вызвало интерес стайки пластмассовых прищепок, похожих на черных летучих мышей, висящих на параллельных веревках: сейчас они дольше обычного смотрели в ее сторону. Раньше они никогда не опускались до общения с деревянным подобием самих себя, считая ее уродливой. Выцветшая и разбухшая от влаги, она походила на молчаливого призрака, который к тому же не искал их внимания.

Сегодня она заставила вспомнить о себе ветер! Они мерились силами как прежде, на зависть пластмассовым прищепкам.

– Не старайся! – крикнула одна из «летучих мышей». – Мы не возьмем тебя в свою стаю.

В изумлении «призрак» впервые обнаружил свой голос, но был прерван на первом же слове, так что пластмассовая стайка услышала лишь «почему».

– Да потому, что ты не сильнее нас, хотя пытаешься доказать обратное.

– Почему вы думаете, что я этого хочу? – все же закончила свой вопрос деревянная прищепка.

– Мы же видим, как ты вцепилась, – после легкого удивления почти хором ответили они. – Или ты просто боишься упасть вниз?

– Нет, я вовсе не держусь за веревку, – воодушевилась прищепка, – и больше не боюсь сорваться с нее!

– Заметно, как ты не боишься, – захихикали прищепки.

– Ты знаешь, что не сильнее нас и станешь ничем, если сорвешься.

– Посмотрим... – загадочно ответила им она и позволила ветру одержать победу.

Долго думали пластмассовые «летучие мыши» над ее поступком, глядя вниз, и только весною они увидели крохотный зеленый стебелек на том месте, куда упала деревянная прищепка.

ЖЕМЧУЖИНА

В толще планктона, недалеко от затопленного приливом берега каждый день резвились маленькие пестрые рыбки. Здесь вода была такой прозрачной, что солнечные лучи прогревали ее до самого дна, и это привлекало бесчисленное множество морских обитателей. Кто-то приплывал сюда погреться, кто-то подкрепиться, а кто-то и поиграть.

Зачинателем игр была оранжевая рыбка с легкими пурпурными плавниками, и другие с нетерпением ждали ее появления. Она всегда приплывала со своей медлительной спутницей, которая в толстых губах несла ее бесценную жемчужину.

– Это единственное, что ей можно доверить, – снисходительно объясняла оранжевая рыбка.

Она была очень разговорчивой, и жемчужина мешала бы ей общаться со всеми, кто встречался на пути. Но без жемчужины она не знала бы, во что играть с другими рыбками. Стоило ей только появиться, в тот же миг ее окружала стайка пестрых рыбок, и начиналась игра. Они делились на две команды и собирались в стайки по обе стороны от лениво растянувшейся на дне старой мурены. Мурена давно лишилась своих ядовитых зубов и была неопасной, а за помощь пестрые рыбки после игры приносили ей водорослей. По сигналу зачинательницы игры ее медлительная спутница со стружкой воды выбрасывала жемчужину вверх над муреной. В ту же секунду самая проворная рыбка ловила ее ртом и также со стружкой воды перебрасывала другой команде. Тот, из-за кого жемчужина падала на дно, выбывал из команды. Вот и вся игра, но она могла увлечь так долго, что рыбки даже забывали о еде. А их увлеченность была бы еще и опасной, если бы медлительная спутница оранжевой рыбки не следила бы за обстановкой вокруг. Она всегда предупреждала о появлении больших хищных барракуд.

– И охота тебе часами на одном месте плавниками махать? – лежа на боку, спросила мурена медлительную рыбку.

– Разве можно перестать восхищаться?! – удивленно ответила та.

– Эта игра меня утомляет. Была бы я не такой старой, давно бы разогнала всех. Чем тут восхищаться?

– Ею! – с умилением устремила свой взгляд на оранжевую рыбку собеседница мурены.

– Напыщенной рыбешкой? Она даже не лучшая в команде.

– Не говорите так о ней. Она очень старается, просто другие больше и сильнее.

Мурена проворчала что-то неразборчивое и перевернулась на другой бок. Но медлительная рыбка не обращала на нее внимания: она продолжала смотреть на объект своего восхищения.

– Ты лучшая! – воскликнула она, желая поддержать зачинательницу игр.

– Не отвлекай меня! – услышала она в ответ.

– Прости, – прошептала рыбка, виновато опуская плавники.

Ей стало неуютно при мысли, что из-за нее оранжевая рыбка могла не поймать жемчужину и выбыть из команды.

– На твоём месте я не стала бы ради нее следить за хищниками и поплыла бы искать себе другую компанию, – вновь заговорила старая мурена.

– Если я стану следовать вашему совету, то скоро окажусь на вашем месте, а я этого не хочу.

Мурена фыркнула и оскорбленно отвернула свою беззубую морду.

– Мне не хотелось вас обидеть, – спохватилась медлительная рыбка. – Простите меня.

– Ты часто просишь прощения, – проворчала мурена, – а тебе самой приходилось кого-нибудь прощать?

– Нет, никогда. Меня никто не обижал.

Мурена усмехнулась, глядя вместе с ней на оранжевую зачинательницу игр, и сказала:

– Ты очень наивная и глупая, мне жаль тебя. А вот эту зазнайку не мешало бы проучить.

И тут мурена истошно завопила: «БАРРАКУДЫ!». Сигнал сработал безотказно, вмиг пестрые игроки исчезли, как по волшебству. Осталась лишь одна оранжевая рыбка, она дрожала от страха, не зная, где спрятаться. Навстречу к ней устремилась ее спутница, которую большие, тяжелые плавники делали еще неуклюжей. При виде защитницы оранжевая рыбка сразу перестала дрожать.

– Не бойся, это была шутка мурены.

– А я и не боюсь! Лучше скажи, где нам теперь искать жемчужину?

И действительно, в суматохе бесценная жемчужина где-то затерялась. Без нее зачинательница игр станет неинтересной, что страшнее барракуд.

– Немедленно найди мою жемчужину! Как можно позволить мурене так шутить над нами?!

– Прости, – умоляюще посмотрела на нее неуклюжая спутница. – Я стану искать жемчужину, пока не найду.

– Вот и поспеши, а то я найду ее сама и больше ничего тебе не доверю.

Медлительная рыбка устремила взгляд ко дну. Она должна была искупить свою вину и найти бесценную жемчужину.

Мурена безучастно смотрела на поиски, и вскоре поднялась со дна, уплывая в свою темную нору.

– Бросайте бессмысленную затею и плывите в глубину, а то прокараулите отлив, – напоследок сказала она и скрылась из вида.

Ее слова напугали оранжевую рыбку. Неужели они не успеют найти жемчужину? Такой кошмар она часто видела во сне. Она проклинала свою неуклюжую спутницу за медлительность и придумывала новые и новые наказания для нее. А та усердно заглядывала в каждую ямку, исследовала каждый камешек на дне. Ее сердце сжималось от боли при мысли о том, что оранжевая рыбка может стать очень несчастной без своей жемчужины. Она не могла ее не найти!

Постепенно слова мурены перестали быть такими далекими: вода отступала от берега, и поиски действительно начинали казаться бессмысленными. Но неуклюжая рыбка упрямо продолжала искать.

Вскоре она оказалась так близко к берегу, что ее большие плавники стали касаться дна, а выше она не могла подняться, иначе ее спинка выглядывала бы из воды.

– Тебе не кажется, что начался отлив? – вдруг спросила оранжевая рыбка.

– Нужно возвращаться, – забеспокоилась ее спутница.

– Без моей жемчужины?!

– Мы вернемся с приливом и продолжим поиски.

– Тогда мы ее точно не найдем...

Неуклюжая рыбка вздохнула:

– Хорошо, я еще поищу ее, а тебе лучше уйти на глубину.

– Уйти? – возмутилась зачинательница игр. – Да без меня ты барракуду от плывущей деревяшки не отличишь.

– Плыви сейчас, иначе будет поздно. Прошу тебя!

Оранжевая рыбка хотела возмутиться, но сама почувствовала, как ее нижний плавник коснулся дна.

– Вода уходит!

В панике зачинательница игр помчалась к глубине.

– Спасайся! – крикнула ей вслед медлительная спутница.

Еще никогда плавники оранжевой рыбки не работали так быстро, даже при бегстве от барракуд. Но сейчас скорость ничего не решала. Она подумала, что плывет не в том направлении. Глубина не становилась больше. Спустя несколько секунд ее спинка показалась над водой. Барахтаясь в мутной лужице, она начала звать свою медлительную спутницу. Та неуклюжими прыжками, ломая плавники, попыталась приблизиться к ней.

– Не бросай меня здесь одну! – слышала она слабеющий голос оранжевой рыбки.

Ей удалось подобраться к объекту своего восхищения и накрыть зачинательницу игр своим большим влажным плавником.

– Мне страшно, – прошептала та.

– А чего нам бояться? На такой мели барракуды не плавают, – задыхаясь, прошептала неуклюжая рыбка. – Мы дождемся прилива, и тогда я найду тебе другую жемчужину. Самую редкую.

– Черную? – приободренно отозвалась оранжевая рыбка.

– Черную.

– Нет, лучше найди мне две жемчужины. Одна будет взамен утерянной, а вторая как твоё оправдание за то, что мы поздно заметили отлив.

– Конечно, это будет справедливо...

Оранжевая рыбка обрадовалась, что теперь у нее появится две жемчужины, и начала придумывать новую игру. Под большим плавником она была скрыта от палящих лучей солнца, которые не могли иссушить влагу с ее чешуи, но от высокой температуры рыбка потеряла сознание. Когда же она очнулась, то ее уже окружала вода.

– Мы дождались прилива! – обрадовалась зачинательница игр. – Мы спасены.

Она начала звать свою неуклюжую и медлительную спутницу, но та не отзывалась. Вокруг никого не было, только комки ила и пустые раковины улиток. Оранжевая рыбка решила, что ее спутница просто отправилась на поиски новых жемчужин.

– Кого-то ждешь? – услышала она голос проплывающей мимо мурены.

– Да, скоро у меня будет две жемчужины!

– Жди, и может будет. Вот только такой, как твоя медлительная подруга, которую ты потеряла, уже не будет никогда, – произнесла мурена и уплыла на глубину.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У МЫСА ГАМОВА

Светлана МАЛИКОВА,
г. Владивосток

Фото автора

1

Можно сказать, что в этих местах я впервые. Тогда откуда это чувство, что каждый живописный уголок бухты Витязь исхожен, очень хорошо знаком, и кажется, что мне довелось здесь не просто быть, но и жить?

За окном «Урала» хлестал дождь, серая вода стекла по стеклу, казалось, в тумане утонули и природа, и люди. И, тем не менее, определённо создаётся впечатление, что эти места до боли знакомы, и видеть их приходилось не однажды. Почему? Бывают разные загадки, и эта – одна из их числа...

Путешествовать с лигой «Жень-шень» хорошо: привезут, разместят, всё покажут и расскажут, не можешь – научат и позаботятся о новичках на маршруте. Если увидят, что ты недостаточно экипирован, поделятся свитером или курткой, подкормят на самой вершине восхождения и даже дадут глоток согревающего коньяка. Помогут обработать бальзамом твою повреждённую ногу и приложат к распухшему колену компресс с ледяной ключевой водой.

Люди здесь в основном душевные и внимательные, сами прошли через многие трудности, поэтому и к «первачкам» снисходительны. Путешественники, как правило, всегда весёлые и не унывающие, энергичные и вполне адекватные, хорошо усвоившие прописную истину: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». В переводе на туристический язык это означает, если не организуешь нелёгкий, но насыщенный впечатлениями всегда увлекательный отдых, не жди, что кто-то это сделает за тебя. Стремись, и всё получится!

2

Хасанский район – пограничный. Непрерывной лентой несутся автобусы с туристами, следующими в Китай через Хунь-чунь, – маленький и спокойный городок, вполне подходящий для отдыха русского человека. Дешевые ресторанчики, сауны, массажные салоны, шопинг. Китайцы и корейцы, наши соседи, проживающие там, приветливые и доброжелательные. Когда-то и на российской территории их было немало. Они активно занимались охотой, рыболовством, выращивали урожай, держали мастерские. Трудолюбивый азиатский народ наравне

с русскими испытывал беды от хунхузских варварских набегов.

Раньше здесь располагались большие частные имения, такие, как хозяйства семьи Янковских. На берегу бухты Витязь – это замок Яна Янковского, сына знаменитого Михаила Ивановича, а в Сидеми – имение самого основателя династии Янковских – учёного и исследователя Уссурийской тайги, известного предпринимателя, посвятившего большую часть жизни этому краю и успешному сделать столько добрых дел, что не укладывается в голове.

Впрочем, это феномен всех великих людей. Пушкин не прожил и сорока лет, а скольким ещё поколениям потомков предстоит восторгаться его простыми и одновременно гениальными произведениями?! Но Пушкин, к сожалению, был не угоден той власти, и не все современники сумели оценить по достоинству его многогранное дарование. Вот и Янковские стали «врагами» для новой власти только потому, что не были «никем» и «ничем». Благодаря таланту, как предпринимательскому, так и литературному, владели многим, но не всё задуманное смогли осуществить. И не по своей вине...

История показала, что не всегда полезно, чтобы «никто» и «ничто» вдруг начали управлять страной. Ломать и разрушать – с этим можно справиться даже будучи «никем», а вот построить, оставить что-то хорошее для людей – здесь необходимо, как минимум, быть человеком.

Такие размышления пришли, когда я рассматривала прекрасные места в районе бухт и бухточек за селом Андреевка, тут же поражаало величие полуразрушенного замка Янковских – на фоне времянок для туристов и отдыхающих. Магазины и зоны отдыха – индустрия по сезонному выкачиванию денег. Восхитительные места! И их временщики – эксплуататоры. Печальная картина. Элементарный «сервис» и заколачиваемые на нём барыши.

Снова вспоминается Китай, где всё, начиная от таможни, сделано красиво и по-современному. И невыгодное для нас сравнение: дровяная таможня и вывеска – лицо современной российской державы.

3

Люди понимают, почему сильные мира сего в нашей стране так стремятся в близкое и дальнее зарубежье. Им там комфортно, а с деньгами комфортно вдвойне. Вот только власти никак не могут понять

одного, стоит нашему человеку побывать хотя бы в Китае, увидеть собственными глазами современный облик этой страны, оценить красоту, которую здесь создают и трепетно оберегают, опробовать современные технологии в действии, как сразу испытывают шок! А мы почему-то остались в двадцатом веке и, кажется, откатываемся назад именно тогда, когда весь мир движется вперёд! Как же так получается, что у нас ничего не создается для людей, ничего не делается, чтобы облегчить и украсить их жизнь?

Вдоль пыльных развороченных одновременно во всех местах дорог Владивостока горожане идут по делам и на работу, и у них на пути нет ни одной вывески или плаката «Извините за временные неудобства, идёт ремонт». А в Китае – такие незатейливые предупреждения даже на русском языке вдоль всех ремонтных участков по трассе. Владивостокцы дышат пылью и бредут по развороченным мостовым, а наши соседи, от мала до велика, едут по своим надобностям на велосипедах. Может, поэтому так редко можно встретить там располневших людей? В Китае на велосипеде ездить можно, а у нас, почему-то, нельзя. И даже не рискуйте пробовать, не то заставите изрядно понервничать всех остальных. Ни дороги, ни тротуары для этого просто не приспособлены, велосипедисты как класс с корнем вырван из городской жизни...

Возвращаясь к непередаваемым красотам при-

Морские красоты бухты Теляковского

морских мест, испытываешь чувство горечи и приходишь к мысли, что нет у них настоящего хозяина. Такого, который не позволил бы лепить времянки, а планово, изящно и продуманно обустроивал бы наши природные жемчужины. В них сокрыт настоящий Клондайк для туризма! При подобном подходе можно не копейки складывать в карманы частных, а зарабатывать по-настоящему большие деньги – для родного края! Стоит только создать сервис на уровне международных стандартов и не будет отбоя от соотечественников нашей большой страны, желающих отдохнуть и набраться впечатлений в этих уникальных местах. Да и зарубежные гости, которые по всему миру выискивают такие непревзойдённые уголки, могли бы приезжать сюда большими группами.

Гостеприимство в крови у русских людей, но почему-то сегодня мы вынуждены стесняться своих заграничных соседей и жить почти в затворничестве.

4

Необыкновенные и ещё сравнительно нетронутые места полуострова Гамова, где находится самая южная точка России, единственный в стране морской заповедник, а также заповедники, где обитают барсы, леопарды, уссурийские тигры – всему живому требуется защита... от человека. Да, именно от человека. Такова, увы, реальность сегодняшнего дня.

Маленькое чудо бухты Спасения!

**Владивосток – Андреевка,
бухты: Витязь, Теляковского,
Спасения – Владивосток.**

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные отписки **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2012 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	300 руб.	500 руб.
«Литературный меридиан» + газета «Былина»	320 руб.	520 руб.
газета «Былина»	150 руб.	300 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Ко'стылева Владимира Александровича** по адресу издания:

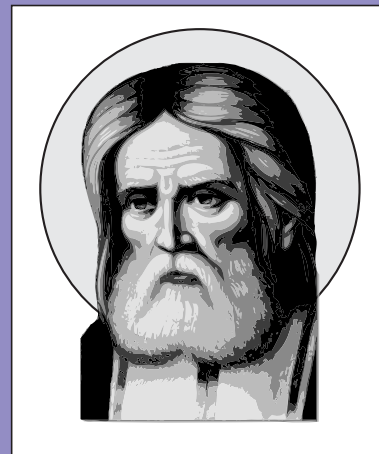
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенно вожделев, непрестанною
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Автор фотографии Василина ОРЛОВА, г. Москва

Токио. Автор фотографии Сергей НАЗАРЕНКО, г. Арсеньев